

Любовь в жизни Тараса Шевченко

Рабочий союз України. - київ. - 1992 - 18 лютого

Загадки прошлого

Ваш добрый ангел осенил
Меня бессмертными крылами
И тихоструйными речами
Мечты о рая пробудил.
Т. Г. Шевченко, Яготин, 11
ноября 1843 г.

(Княжне В. Репиной на память 9-го ноября 1843 года).

ИНОГДА вен проживешь, а
так и не узнаешь, почему с простых людей можно писать портреты, а с лиц, обремененными словами, — только иконы со сверкающим нимбом? Сотни архивов изучены, сотни страниц испаны для того, чтобы описать бесчисленными красавицами, которыми увлекался Пушкин, ни одной неисследованной звезды на любовном небосклоне И.-В. Гете не осталось. Все названы, изучены...

А как же с увлечениями нашего украинского поэта Т. Шевченко? Ведь кроме того, что он был гениальной личностью, которого щедрая украинская природа наделила даром певца, позата и художника, он был просто человеком, которому ничто человеческое не было чуждым. Так почему же мы так усердно защищаем целомудрие нашего великого поэта? Почему так воинственно оберегаем его личную жизнь от внимания читателя, считая ее принадлежащей только ему по праву личной собственности? Мы забываем, что такие люди, как Шевченко, способны любить не только ради «прихоти», но и ради избавления от тоски одиночества, томившей великую душу. Почему мы забываем, что любовь для поэта (да, пожалуй, и не только для поэта) является самым могучим и светлым стимулом жизни и самым ярким выражением и проявлением внутреннего существа человека? Какой поэт может жить без любви, вдохновляющей творца на горение?

Сейчас гений Шевченко чтят вся Украина, его имя практически вошло в каждый дом. Имя Шевченко стало для нас родным и почитаемым. Народ воспринимает творчество Шевченко как неиссякаемый родник, и каждый из нас старается не замутить его питающие ключи, испить из этого живительного родника, потому что сам Шевченко — живое воплощение благородных черт украинского народа. В его творчестве с наибольшей силой и выразительностью запечатлены не только скорбевые мысли и чаяния народа, в нем не только глубокий гражданский пафос, но и чистота чувств интимной лирики. И разве представленные

переживания поэта на суд нашего читателя оскверняют глубину этих чувств? Не унизит поэта и исследование образа той, кто вдохновлял поэта, кто был его «добрый ангелом».

Шевченко любил жизнь, красоту, радость. Не нужно пеленать его образ в суровые рубища аскета, лишать его неукротимости.

ЕСЛИ БЫ Шевченко, подражая примеру Пушкина, вел список женщин, которыми он увлекался, то этот список мог бы быть более пространным. В нем можно было бы встретить имена Оксаны Коваленко, молоденькой польской швеи Ядвиги Гусиковской, натурщицы Амалии Клодберг, дочери кирилловского священника Григория Кошица Федосье; Хариты Долгополенко — крепостной князя Лопухина, с которой он познакомился в 1859 году в Корсуне; Екатерины Пиуновой, Ликерье Полусмаковой, Анны Закревской, Марии Васильевны Максимович, Людмилы Тарнавской, родной сестры М. В. Юзефовича, жены В. Б. Тарновского; красавицы татарки Збаражды, сопровождавшей Шевченко, по словам Ф. М. Лазаревского, на всех вечеринках в Оренбурге в качестве подруги и многих других.

На Екатерине Борисовне Пиуновой, Харите Васильевне Долгополенко, Федосье Григорьевне Кошиц и Ликерье Ивановне Полусмаковой наш поэт пытался жениться, но безуспешно. Увлечений было много.

1843—1847 годы были самыми лучшими в жизни Шевченко. Именно в этот период украинский поэт пережил свою единственную взаимную любовь. Любил Шевченко и раньше, и позже. Но более поздняя любовь уже включала в себя примесь здравого расчета о преимуществах семьи, брака, родного очага, семейного уюта. Страстная, бескорыстная, неподдающаяся анализу любовь подменялась с годами житейской потребностью. Но именно этот период интимной жизни поэта мало изучен и меньше всего освещен шевченковедами.

По словам Афанасьева-Чужинского, Шевченко к своим избранницам серьезно не относился. «Что касается любви в тесном смысле слова, то за все время моего знакомства с Шевченко я не заметил в нем ни одной привязанности, которую

можно было бы назвать серьезной. Он любил женское общество и увлекался, но никогда на долго. Стоило только напомнить ему какое-нибудь увлечение, он обыкновенно отзывался: «Ах, дурница. Пона з мною баланав, то буцімто щось ворушиться в серці, а там і байдуже». Но к одной особе он возвращался три раза, то есть, по крайней мере, три раза при встрече с нею в душе у него вспыхивало чувство. Он долго берег память о ней и года через два говорил: «Славна молодичка — і така приятна, що, здається, — і забудеш, а побачиш, то знов тягне і тягне».

По словам того же Чужинского, Шевченко не любил высказываться на интимные темы, не любил пускать посторонних в свой внутренний мир, ибо был наивно застенчив и умел берег свои чувства. Даже от своих друзей и знакомых.

ПЕРВЫМ сильным чувством Шевченко была ранняя, почти детская привязанность молодого Тараса к крепостной девочке Оксане Коваленко, которая была тремя годами старше Шевченко. По стихотворениям поэта мы узнаем, как они еще детьми «вкупочці росли, собі любились», как родители хотели их «одружить», когда они подрастут. В 1841 г. Шевченко посвящает ей «Мар'янчу-черніцю», а находясь в ссылке в крепости, в 47-м году снова дважды вспоминает о ней и в 1850 пишет стихотворение «Не молилася за мене», где есть такие слова:

«А я так мало, небагато
Благав у Бога. Тільки хату,
Одну хатиночку в гаю.
Та дві тополі біля неї,
Та безталанну мою,
Мою Оксаночку...»

На вопрос Шевченко о дальнейшей судьбе Оксаны брат поэта поведал о страшном горе его подружки, сообщив, что она стала покрыткою «...помандрувала ота Оксаночка в поход за москалями та й прогала... З байстрям вернулась, остиженна».

СЛЕДУЮЩЕЙ любовью поэта была молоденькая польская швея Ядвига Гусиковская. С

ней Шевченко познакомился в Вильно, в доме П. В. Энгельгардта, где он находился в роли слуги «казака». Именно ей Шевченко обязан знанием польского языка. О ней поэт вспоминает в своем «Дневнике» в записи от 5.9.57 года: «Всно видел церковь св. Анны в Вильно, в этой церкви молящуюся милую Дуню, чернобрюю Гусиковскую».

ТРЕТЬЕ — наиболее продолжительное известное увлечение Шевченко относится к годам обучения поэта в Академии художеств в С.-Петербурге, когда посторонний ученик Академии влюбился в пятнадцатилетнюю натурщицу, немочку по происхождению, Амалию Ивановну Клодберг, невесту Ивана Максимовича Сошенко, того самого Сошенко, студента Академии художеств, который первый обратил внимание на художественные способности молодого человека, который в белую ночь зарисовывал в Летнем саду скульптуры. В это время Шевченко проживал на квартире Сошенко. Амалия (Маша, Наташа) считалась невестой Сошенко. И эту невесту Шевченко «отбил» у друга.

Узнав о связи поэта со своей невестой, Сошенко предложил Шевченко оставить его квартиру. Шевченко вынужден был повиноваться, оставить это помещение и переселиться в другое, но милая Амалия оставила жениха и стала навещать Шевченко в его новом жилище. Она продолжала навещать его и после возвращения поэта из десятилетней ссылки, посещая его мансарду в здании Академии художеств. Об этом свидетельствует записка от 25 ноября 1859 года. «Извините, Тарас Григорьевич, что не могу сегодня к Вам прити, я сильно простудилась, конечно, я виновата, что не уведомила Вас раньше, а только думала вчера вечером, что буду к сегодняшнему дню здорова, надеюсь поправиться к пятнице, утру. Амалия».

Впоследствии Сошенко просил «измену друга» и восстановил с ним дружеские отношения.

Петр КРАПИВА.

* * *
На снимке: автопортрет Т. Г. Шевченко. Рисунок тушью. 1843.

(Продолжение следует).